

УДК 364.044.68(73):(470.43)

ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х гг. В ПОВОЛЖЬЕ В ДОКУМЕНТАХ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ

© 2011 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 20.03.2011

В публикации приводится характеристика документов и материалов различного вида из архива Американской администрации помощи, которые являются ценными источниками по истории голода начала 1920-х годов в Поволжье.

Ключевые слова: голод 1921-1922 гг., Американская администрация помощи, АРА, Поволжье.

В начале 1920-х гг. Советская Россия находилась в состоянии острейшего кризиса, одним из основных факторов которого стал голод, охвативший огромную территорию и унесший около 5 млн жизней. Во время голода населению России оказывал помощь целый ряд иностранных благотворительных организаций различного характера – государственных и самого разного рода общественных, этнических и религиозных. Это Американская администрация помощи, «Миссия Нансена» («зонтичная» структура, в которую входило порядка 20 организаций, главным образом Красных Крестов стран Европы, а также ряд благотворительных фондов), «Общество друзей» (квакеры), Харбинский общественный комитет помощи голодающим, Международный рабочий комитет помощи при Коминтерне (Межрабпом), Международный союз помощи детям и др. Они работали как на постоянной, так и на временной основе, с собственным аппаратом распределения помощи и без такового, на протяжении разных временных периодов. Многие из этих организаций концентрировали свои усилия на оказании помощи Поволжью, которое являлось одним из эпицентров голода. Среди работавших в России организаций особо следует выделить Американскую администрацию помощи (АРА, от АРА – American Relief Administration). АРА, во главе которой стоял министр торговли США Герберт Гувер, представляла собой неправительственную благотворительную организацию, пользовавшуюся поддержкой и президента, и Конгресса¹. За период с сентября 1921-го по июнь 1923 г. АРА оказала Советской России масштабную и хорошо организованную помощь продовольствием, медикаментами, одеждой и т.д. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 миллиона взрослых и детей².

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: anshakova@yandex.ru

Архив АРА хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США), основанном в 1919 году Г. Гувером – выпускником этого университета (первый выпуск 1895 г.). Примечательно, что основателем русской коллекции Гуверовского института, ее куратором был Фрэнк Голдер, сотрудник АРА, в 1921-1923 гг. специально собиравший в России документальные материалы по различным аспектам российской истории, а первая книга, посвященная гуманитарной миссии АРА в России, была написана Гарольдом Фишером, возглавлявшим исторический отдел АРА, а в 1944-1952 гг. – Гуверовский институт.

В коллекции Русского отдела АРА хранится вся документация организации, связанная с ее гуманитарной деятельностью в России (СССР)³. Это внутренняя переписка и переписка с советскими центральными и местными органами власти, договоры, отчеты, статистические и финансовые документы и т.д., многие из которых содержат ценнейший материал об экономической, политической и социальной ситуации в России начала 1920-х гг., различных аспектах ее внутренней политики. Заметим, что помимо информации, необходимой для выполнения своих непосредственных задач, АРА собирала сведения (порой весьма детальные), характеризующие состояние сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры, положение различных социальных групп и т.д. Очевидно, задачей было составление максимально объективной характеристики общего состояния российской экономики, что вполне понятно, если учесть существовавший тогда в мире дефицит какой-либо достоверной информации о социально-экономической и политической ситуации в Советской России. Вместе с тем эти сведения сотрудники АРА получали вполне легальным путем из различных советских ведомств – от наркоматов до местных земотделов, исполкомов и сельсоветов, а также из материалов центральной и местной печати. Помимо этого, АРА собирала собственную статистику, осо-

бенно по сельскому хозяйству, и предоставляла ее, если требовалось, местным органам власти. Так, один из работавших в Самаре сотрудников АРА в отчете отметил, что «установить точные цифры (урожайности и посевных площадей – Ю.А.) сложно, т.к. власти не всегда доверяют волостным органам, поскольку те склонны цифры преуменьшать, чтобы представить свое положение более тяжелым. По этой причине мы собрали свою собственную статистику, и в большинстве случаев власти предпочитали пользоваться нашими данными, а не своими»⁴.

В организационном плане АРА, уже имевшая значительный опыт благотворительной работы в послевоенной Европе, представляла собой деловое предприятие с четко отлаженной структурой и механизмами действия. Русский отдел АРА возглавляли директор и Московская контора АРА. Медицинский, статистический, финансовый, транспортный, инспекционный, исторический и целый ряд других отделов Московской конторы вели соответствующую работу и аккумулировали необходимую для этого информацию.

Охваченные голодом территории России были поделены на районы, более или менее совпадавшие с границами губерний – Казанский, Симбирский, Самарский, Саратовский, Царицынский, Оренбургский и др. К примеру, Симбирский район включал уезды Симбирской губернии, а также Лукояновский, Сергачский, Починковский и Княгининский уезды Нижегородской губернии, Саранский и Городищенский уезды Пензенской губернии. Территориальные рамки районов могли корректироваться и зависели, во-первых, от того, какие губернии или их отдельные уезды официально признавались советскими властями голодающими, и, во-вторых, от удобства транспортировки гуманитарных грузов. В целом же география работы АРА в России очень обширна – от Пермской губернии до Астрахани и Крыма и от Петрограда до Челябинской губернии, включая территорию практически всех поволжских губерний, республик и автономных областей, что, соответственно, определило и то, материалы о каких регионах имеются в архивах АРА.

Как правило, в районе работало не более 10 американцев. Работа выстраивалась следующим образом: во главе стоял управляющий (американец), американцы возглавляли важнейшие отделы, структура местного отделения в основном повторяла московскую. Основной штат служащих составляли российские граждане. Делопроизводство велось на английском языке, вся переписка с советскими органами власти и чиновниками составлялась на английском языке, переводилась на русский и хранится, как правило, в обоих вариантах.

Первый тип документов, который хотелось бы выделить, – это истории районов, которые подготавливались в каждом из них кем-либо из американских сотрудников на завершающем этапе работы в России⁵. Главной задачей было детальное описание всех этапов и форм работы АРА в районе, кроме того, в текст включались и данные, характеризующие социальное и экономическое положение района, иногда напрямую не относящиеся к голоду. Например, история Казанского района начинается с описания его территории, административного деления, почв, рельефа, лесов, речной сети и т.п. Далее следуют историко-этнографические комментарии, вкратце описывающие процесс освоения региона и населяющие его этнические группы. Следующий раздел содержит сведения по экономическому положению края накануне 1917 г. (сельское хозяйство, ремесла, промышленность, торговля, финансы, транспорт), а также в период военного коммунизма и перехода к нэпу. Данные этих разделов взяты из официальных местных источников. Следующие разделы подробно и системно освещают работу АРА в районе, и именно они представляют наибольший интерес. В них содержатся сведения (обычно в качестве иллюстраций и, соответственно, разрозненные) об уровне смертности в отдельных уездах, волостях и селах, состоянии детдомов, больниц, положении и количестве беженцев, скопившихся на вокзалах и пристанях, распространенности каннибализма, количестве домашнего скота, заболеваемости, состоянии транспортной системы, мероприятиях советской власти по борьбе с голодом и их эффективности, результатах различных программ помощи самой АРА, о ценах, продналоге и его негативном влиянии на крестьянское хозяйство и многом другом.

Составлялись истории на основе внутренних документов различного рода, в частности, отчетов об инспекционных поездках. Такие поездки по уездам и кантонам совершались систематически как американцами, так и русскими инспекторами с целью проверки работы местных столовых АРА, которые густой сетью покрывали всю территорию района. Заметим, что материалы инспекторских поездок предоставлялись местным властям и, к примеру, могли попасть в прессу. Так, брошюра «Ужасы голода в Самарской губернии», представлявшая собой новогоднее приложение к «Известиям Самарского губсоюза» и изданная с целью агитации за сбор средств в пользу голодающих, содержит цитаты из отчетов инспекторов и инструкторов АРА, иллюстрирующие трагедию, которую переживала деревня. К примеру, инспектор, обследовавший Балаковский и Пугачевский уезды, сооб-

щал: «Поедание кошек, собак и дохлых лошадей – обычное явление. С наступлением зимы наблюдается быстрое повышение смертности, т.к. морозами уже отнята у населения возможность питаться горькими стеблями арбузов, всевозможными корнями, репейником, повилкой и др. травами. Не менее безотрадную картину представляют из себя детские дома в городах и некоторых селах. Со времени первой эвакуации голодных детей детские дома успели быстро заполниться и даже переполниться. Приемники или коллекторы, куда попадают дети, подбрасываемые городским и сельским населением, представляют ужасающую картину. 200 или 300 детей в доме, который может вместить только 50, и все они – или до уродливости опухли или высохли как скелеты, и все полунагие, босые. Воздух до того испорчен, что трудно дышать»⁶. И следует сказать, что приведенное описание можно считать стандартным: практически в каждом отчете содержатся сведения о разнообразных суррогатах, на которые перешло население в конкретной местности, – от муки из коры, лебеды, желудей, навоза до трупоедства и людоедства, а детские дома и приюты, смертность в которых в Поволжье достигала 80%, неизменно характеризовались в самых мрачных тонах⁷.

Вторая группа документов, которую следует особо выделить, – это разного рода отчеты, особенно уже упоминавшиеся отчеты об инспекционных поездках, так называемые двухнедельные отчеты, которые окружные управляющие 2 раза в месяц отправляли в Москву, а также медико-санитарные отчеты, посвященные деятельности медицинских отделов АРА. Источники этой группы содержат аналогичные сведения: статистика голода, смертности, данные о беженцах, количестве скота, характеристики местных советских и партийных работников, положение отдельных социальных групп, особенно интеллигенции и «бывших», особенности реализации новой экономической политики на местах, воздействие нэпа на сельское хозяйство и реакция на него крестьян и т.д., но гораздо более подробные, касающиеся отдельных уездов, волостей и даже деревень.

В качестве примера того, насколько подробным могло быть описание, приведем данные по одной из деревень из отчета об инспекционной поездке в Пугачевский уезд в январе 1922 г.: «Андросовка. Общая численность населения – 4032. Детей – 1781. Число столовых АРА – 2. Питается детей – 595. Смертей: ноябрь – 30, декабрь – 50, до 20 января – 70. Большинство – взрослые, несколько детей, несколько смертельных случаев тифа, в основном от голода. Изначальное число лошадей и верблюдов – более 2000. Сейчас – 139. Амбулаторий – 1. Медикаменты поставля-

ет военный Красный Крест. Фельдшер – 1». По этой же схеме описано положение других поселенных деревень, при этом инспектор отмечает, что в селе Таволжанке ему не удалось встретиться с председателем исполкома, поэтому не удалось получить достоверную статистику⁸.

Поскольку инспекторы объезжали вверенные им территории постоянно, сравнение отчетов по одному району за разные сроки позволяет увидеть картину развития и спада голода в динамике. Кстати, документы АРА свидетельствуют о серьезности масштабов голода и в 1923 г.⁹, что противоречило официальной позиции советских властей – то, что официально голод «закончился» в 1922 г., в основном объясняется тем, что Россия в конце 1922 г. возобновила экспорт хлеба, а от заграничных организаций помощи стремилась получить не продовольственную, а производственную помощь.

Инспекционные поездки были нелегкими и в эмоциональном, и в физическом плане: длительные переезды, зачастую по бездорожью, полное отсутствие каких-либо удобств, душераздирающие картины голода и запустения. Но иногда они превращались в настоящие «приключения». Так, американец Карл Флоти находился в г. Пугачеве во время нападения на него банды Серова (ноябрь 1921 г.). Как сообщил Флоти, городские власти узнали о предстоящем нападении накануне ночью и заранее покинули город. Утром в город вошли бандиты – 800 мужчин и женщин – все одеты в тулупы, у каждого по два ружья, все верхом на черных лошадях, что производило впечатление специально подобранной «черной кавалерии». Прибывшие немедленно разграбили все государственные склады, но Флоти отмечает, что склад АРА бандиты не тронули. Вожак банды, высокий мускулистый мужчина с черной бородой (Серов – Ю.А.), даже знал имя Флоти. Бандиты оставались в городе весь день, перерезали все телеграфные и телефонные провода, поломали оборудование, а затем уехали. Утренний бой, перестрелка, в которую попал американец, то, что власти бросили город, свирепый, «дикий» вид бандитов произвели на Флоти неизгладимое впечатление и спровоцировали нервный срыв. Тем не менее в окончании официального сообщения о происшествии методично замечается, что работа по питанию тысяч детей в районе не была прервана¹⁰.

Нужно отметить, что АРА осуществляла обширную медицинскую программу, которая логично дополняла программу продовольственной помощи. Она включала поставку лекарств, перевязочного и дезинфицирующего материала, медицинских инструментов, одеял, постельного белья и пр., открытие санитарно-пропускных

пунктов, вакцинацию и т.д. Заметим, что длинный перечень поставлявшихся медикаментов и материалов, а также объемы поставок являются свидетельством их отсутствия в России. Помощь получали больницы, амбулатории, детские дома, детсады, школы, интернаты, дома престарелых. Медико-санитарные отчеты, помимо данных, отражающих собственно деятельность АРА, включают в себя сведения о состоянии местных учреждений здравоохранения, детдомов и пропускных пунктов для беженцев, распространенности различных заболеваний, количестве и материальном положении медицинских работников, санитарном состоянии городов, статистику заболеваемости и смертности и пр. Так, по документам казанской АРА, зимой 1921-1922 гг. мусор с улиц не вывозился, канализация в городе отсутствовала, кругом валялись нечистоты и экскременты. Выгребные ямы частных домов практически не очищались, в результате они были переполнены и заливали дома, дворы и улицы города¹¹. И на фоне столь плачевного состояния Казани один из американских сотрудников Казанского района, побывавший во многих городах Среднего Поволжья, в Москве и Петрограде, отмечал летом 1922 г.: «...неважно, насколько красивой была Самара ранее, вся ее былая красота сейчас не видна из-за ужасной грязи и запущенности улиц и города в целом. Если Симбирск можно считать, по-видимому, одним из самых чистых городов Советской России, то Самара, безусловно, должна занять первое место среди самых грязных и неухоженных. Кучи грязи и мусора буквально повсюду, остается лишь гадать, убирали ли этот город со времен революции»¹².

Медико-санитарные отчеты Казанского округа рисуют трагическую картину огромного роста заболеваемости (в округе было сделано примерно 1,5 млн прививок от тифа, паратифа, холеры и оспы), тотальной антисанитарии, отсутствия средств, медикаментов, нехватки медработников, безобразной организации ухода за больными, что делало местные больницы просто «хранилищами для умирающих и мертвых». К слову, невообразимую грязь в детдомах и больницах, где дети и больные «месяцами остаются немывыми», американцы объясняли не только нехваткой средств и персонала, но и апатией, безынициативностью и недостаточной подготовкой последнего. Так, в больнице г.Набережные Челны только после визита американского доктора (и выделения пайков) стали проводить регулярную уборку помещений, дезинфекцию белья и воды, а также поступающих больных и их одежды, устроили изолятор для больных холерой¹³.

Еще один вид источников – документы личного происхождения: дневники и письма, авто-

рами которых являются сотрудники АРА. В архиве Гуверовского института хранятся дневники главы Русского отдела полковника У. Хаскелла, личные бумаги сотрудника Симбирского района Т. Барринджера, переписка сотрудников миссии Г. Фишера, Г. Флеминга и др.¹⁴ Вероятно, самым интересным с точки зрения истории голода именно в Поволжье является дневник сотрудника (и в течение некоторого времени руководителя) Казанского района АРА Джеймса Ривза Чайлдса, опубликованный с некоторыми сокращениями в 2006 г. и которому посвящена отдельная статья¹⁵.

Безусловный интерес представляют дневники и письма Ф. Голдера, ученого-историка, автора ряда работ по истории российско-американских отношений. В 1921-23 гг. Голдер по просьбе Гувера присоединился к АРА, в круг его обязанностей входили постоянные поездки по голодающим регионам и сбор материалов о голоде, подготовка предназначенных для Г. Гувера еженедельных отчетов, характеризующих социально-экономическое положение в стране, а также формирование коллекции, посвященной истории России начала XX в. Во время своего пребывания в России Ф. Голдер вел подробный дневник, а также обширную переписку. В основной массе эти документы хранятся в архиве института¹⁶, значительная часть из них была опубликована в 1927, а затем в 1992 г.¹⁷ Письма, отчеты и дневниковые записи Ф. Голдера, умного и наблюдательного человека, содержат немало ценной информации, а также личных размышлений относительно происходивших в России событий, в том числе и о голоде начала 1920-х гг.

Еще одним интересным источником, хранящимся в архивах АРА, являются фотодокументы: около 5000 фотоснимков и 2300 негативов, которые сгруппированы по тематическому и географическому признакам¹⁸. В основном фотографии делались штатными фотографами АРА, главной задачей которых было создание официальной фотоистории гуманитарной деятельности АРА в России, сохранились и снимки, сделанные отдельными сотрудниками миссии. АРА, как и другие иностранные благотворительные организации, нуждалась, с одной стороны, в визуальных материалах, которые оказывали бы сильное эмоциональное воздействие на потенциальных жертвователей и тем самым способствовали сбору средств либо без лишних слов объясняли налогоплательщикам, почему правительство тратит деньги на помощь Советской России. В дальнейшем АРА старалась запечатлеть и улучшение ситуации в результате своей деятельности. Примечательно, что весной 1923 г. Политконтроль ГПУ в секретном циркуляре информировал, что

вывоз иностранными благотворительными организациями за границу пленок и негативов будет разрешаться только в том случае, если при съемке присутствовал представитель ГПУ, заснятую пленку требовалось на месте опечатать и доставить в Москву в Политконтроль ГПУ для просмотра¹⁹, в результате чего ряд визуальных материалов отложился и в соответствующих российских архивных фондах.

Безусловно, в первый год работы главным сюжетом для фото- и киносъемок, которые также велись АРА, был сам голод: истощенные дети, обреченные беженцы, общие могилы из сваленных в кучу голых тел – такова основная тематика фотографий осени 1921-весны 1922 гг. В то же время в объектив камер сотрудников АРА попадали и более «мирные» картины, отражавшие самые разные стороны повседневного быта Москвы, Петрограда, а также провинциальной городской и сельской России начала 1920-х гг.: улицы, дома, магазины, кинотеатры, демонстрации, домашний скот, транспорт (от паровозов до верблюдов), и многое другое. Так, в адресованной штатному кинооператору АРА Ф. Трэйнему инструкции – в связи с тем, что «АРА желает иметь полную визуальную хронику своей работы в России, включая всю относящуюся к делу дополнительную информацию», – давались детальные рекомендации относительно тематики киносъемок. В частности, Трэйнему предписывалось запечатлеть условия и трудности работы АРА и, соответственно, снимать разрушенные железные дороги и фабрики, плохие дороги, складские помещения, неудобные средства передвижения и т.д., иными словами, объективное состояние инфраструктуры. Часть пленок должна была быть посвящена состоянию сельского хозяйства: «поля зерновых, плохие и хорошие», «методы, используемые в российском сельском хозяйстве». В качестве дополнительного материала предлагалось снимать живописные пейзажи и виды российских городов и сел, значительные и красивые здания, вызывающие интерес костюмы, развлечения и собрания людей²⁰. Данная инструкция относится к 1923 г., но аналогичные сюжеты фиксировались на пленку на протяжении всего времени работы АРА в России и в разных ее регионах, в том числе и в Поволжье. Поскольку кино- и фототехника в самой России была не слишком распространена, многие из этих материалов, особенно провинциальные, являются уникальными визуальными источниками.

В заключение отметим, что данная краткая характеристика некоторых видов источников далеко не исчерпывает потенциал архива АРА. Материалы этого архива, на наш взгляд, в первую

очередь могут быть использованы именно в региональных, краеведческих исследованиях. Спектр затрагиваемых в документах тем позволяет привлекать их для изучения голода начала 1920-х гг. как комплексного явления, сочетающего в себе разнообразные социальные, демографические, экономические, внутривластные факторы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921-1923. Stanford, 1974. P.28; Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: the American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. Chapter 2.
- ² Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. The Operations of the American Relief Administration. N.Y., 1927. P.553-554, 557.
- ³ Hoover Institution Archives (далее – HIA). American Relief Administration. Russian Operation Records. (далее – ARA Russia). См. эл. версию описи: URL: <http://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf996nb3ks> Дата обращения – 15.11.2010. Документы хранятся в несшитых папках (folder), папки – в коробках (box).
- ⁴ J. Speaks to R. Allen. September 6, 1922 // HIA. ARA Russia. Box 104. Folder 1 (далее – 104:1).
- ⁵ Ibid. Kazan District History. 27:11-13, 28:1; Simbirsk District History. 118:3-4; Samara District History. 106:1; Saratov District History 109:6-10; Tsaritsyn (Rostov-Tsaritsyn) District History. 99:8; etc.
- ⁶ Ужасы голода в Самарской губернии. Новогодний номер «Известий Самарского губсоюза». Самара, 1922. С.9. См. также эл. версию: <http://www.flora.sibir.ru/doc/golod1922.htm> Дата обращения – 15.11.2010. Аналогичные сообщения в архиве АРА: From the ARA Investigators Reports, Jan.14, 1922 // HIA. ARA Russia. 104:1.
- ⁷ Childs J.R. Red Days in Russia. P.122, 268 // HIA. ARA Russia. 7:12.
- ⁸ L. Landy. A Brief Summary of Conditions in Villages Visited on Trip from Samara to Pugachev, Jan.19-22, 1922 // HIA. ARA Russia. 104:1.
- ⁹ Например: R.Allen to W.Haskell, 15 March, 1923 // Ibid.
- ¹⁰ Cablegram from Moscow to London, Dec. 5, 1921 // Ibid. Банда Серова – одна из крупных и самых известных банд, действовавших в Поволжье в начале 1920-х гг.
- ¹¹ Monthly Medical and Sanitary Report. December 1921// HIA. ARA Russia. 29:3.
- ¹² Childs J.R. Red Days in Russia. P.292.
- ¹³ Monthly Sanitary Reports. December 1921, January 1922, February 1922, March 1922 // HIA. ARA Russia. 29:3; Report on Inspection Trip to Menzelinsk, Chelny, Elabuga and Mamadysh, July 21-31, 1922 // HIA. ARA Russia. 30:1.
- ¹⁴ HIA. William N. Haskell Papers; Thomas C. Barringer Papers, Harold H. Fisher Papers, Harold M. Fleming Papers, etc. Данные материалы не входят в архив Русского отдела АРА, а образуют отдельные фонды.
- ¹⁵ Black Lebeda. The Russian Famine Diary of ARA Kazan District Supervisor J. Rives Childs (1921-1923). Ed. J.H. Cockfield. Merse, 2006; Аншакова Ю.Ю. Советская Россия начала 1920-х годов глазами американского очевидца // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т.10. №4. С.1080-1086.
- ¹⁶ HIA. Frank A. Golder Collection (43 boxes); ARA Russia Collection.

¹⁷ *Golder F., Hutchinson L.* On the Trail of the Russian Famine. Stanford, 1927; *War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914-1927.* Comp. and ed. T. Emmons and B.M. Patenaude. Stanford, 1992.

¹⁸ HIA. ARA Russia. Boxes 395-411.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1064. Оп.7. Д.27. Л.15; M. Karklin to R. Allen, May 26, 1923 // HIA. ARA Russia. 105:1.

²⁰ Memorandum for Mr. Trainham. Jan. 5, 1923 // HIA. ARA Russia. 332:6.

THE FAMINE OF THE EARLY 1920s IN THE VOLGA REGION IN THE DOCUMENTS FROM THE ARCHIVES OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION

© 2011 Yu.Yu. Anshakova

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

In the article the author describes various documents from the archives of the American Relief Administration which can be used as sources and provide valuable information on the history of the famine in the Volga region in the early 1920s.

Key words: famine of 1921-1922, American Relief Administration, ARA, Volga region.